

А.И. Саввинов

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.005

УДК 069.02:39(=512.15)

Этнографическая коллекция ессейских саха в ЯГОМИиКНС* им. Ем. Ярославского: особенности комплектования и опыт локальной атрибуции

В статье дается описание одной музейной коллекции, собранной более 30 лет назад среди локальной группы северных якутов-оленеводов, проживающей на озере Ессей. Следует отметить, что данная коллекция, представляющая материальную культуру ессейских якутов, является, пожалуй, единственной в музеях Якутии. Несмотря на небольшой состав (предметы быта, орудия труда и промысла), она ярко характеризует традиционный образ жизни, исконные виды хозяйственной деятельности ессейских якутов: оленеводство, рыболовство и охоту. Коллекция бытовых предметов раскрывает региональные особенности культуры оленеводов-кочевников, межэтнические связи якутских и эвенкийских традиций. При описании музейных предметов мы пытались подходить комплексно, в контексте этнокультурной истории региона. Вещь в культуре не только материальный предмет, но и важная составляющая, неразрывно связанная с духовным миром. Ведь в традиционной культуре любая вещь так или иначе связана с представлениями, обычаями и поверьями. При атрибуции музейных предметов важную задачу представляет выявление и уточнение традиционных названий и их локальных вариантов. Как показывают материалы, у субэтнической группы ессейских якутов отмечается значительная сохранность бытовой лексики, но в то же время в данной области местного говора наблюдается влияние эвенкийского языка. Это отразилось и в названиях многих предметов. В настоящее время в условиях современного темпа трансформации хозяйственных традиций, когда происходит необратимый процесс утраты и забвения материальной культуры северных якутов-оленеводов, музейные коллекции приобретают особую ценность и значимость.

Ключевые слова: ессейские якуты, субэтническая группа, этнокультурное пограничье, Эвенкия, этнографическая коллекция, традиционная культура, музейное собирательство.

Тема Арктики сегодня вновь приобретает особую актуальность, намечаются новые подходы к изучению глобальных вопросов освоения заполярных территорий, открываются новые горизонты и в гуманитарных направлениях, затрагивающих этнические аспекты выживания и сохранения арктических цивилизаций. И не случайно, в современных исследовательских проектах все чаще обращаются к музейным собраниям, сохранившим уникальную и самобытную культуру народов, населяющих арктические регионы.

Ессейские якуты – небольшая субэтническая группа, компактно проживающая за пределами Якутии, на территории бывшего Эвенкийского автономного округа в Красноярском крае. По

данным исторических источников, якуты как постоянные ясакоплательщики Ессейского зимовья начали отмечаться с конца XVII в. К тому времени относится начало формирования в районе озера Ессей группы якутов-оленеводов, в этом значительную роль сыграли выходцы из якутских улусов. Процесс освоения северных территорий был весьма длительным. Близкие отношения с аборигенным населением обуславливали не только тесные межэтнические связи, но и взаимовлияния хозяйственно-культурных традиций. Несмотря на территориально обособленное положение и кочевой образ жизни местные якуты сумели сохранить древние истоки культуры и языка. Культура северных якутов-оленеводов – уникальное явление

*Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского

ние, дошедшее до нашего времени с самобытными чертами архаичного наследия народа саха, вобравшее в себя традиции северных кочевников-оленеводов.

Северные якуты-оленеводы, обитавшие в окрестностях озера Ессей, в силу территориальной удаленности длительное время оставались малоизвестным кочевым населением. Целенаправленное изучение ессейских якутов началось лишь с 1959 г., и оно было связано с работой фольклорно-диалектологической экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, в составе которой были фольклорист Н.В. Емельянов и диалектолог М.С. Воронкин. Им удалось тогда впервые собрать большой материал по местному фольклору и говору ессейских якутов [Фольклор..., 2002; Воронкин, 1984]. В последующие годы, несмотря на некоторый интерес со стороны исследователей, информация об ессейских саха была весьма ограниченной. Даже лет тридцать назад связь между Есеем и Якутией была еще слабой, якутский поселок на севере Красноярского края сохранял свое прежнее изолированное положение [ПМА, 1989]. Лишь с недавних пор Якутия открывает для себя далекий Ессей, активно устанавливая тесные контакты со своими дальними сородичами. Оживленные родственные связи между ессейскими саха и якутянами становятся сегодня важным велением времени.

Якутский государственный музей истории и культуры является крупным хранилищем культуры народов Севера Якутии. В фондах музея немало интересных собраний предметов, связанных с историей и культурой северных якутов, поступивших от различных экспедиций и частных дарителей. Среди них следует отметить этнографическую коллекцию, собранную в 1944–1945 гг. известным исследователем Севера Якутии И.С. Гурвичем среди кирбейских и джелиндинских якутов Оленекского улуса [Гурвич, 1977]. К сожалению, в музее представлены далеко не все группы северных якутов, имеющиеся собрания не в полной мере отражают все богатство и разнообразие культуры северных якутов-оленеводов.

В июле 1989 г. автору* статьи в составе Эвенкийского отряда Северной экспедиции Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая (начальник отряда к.и.н. Т.В. Лукьянченко) удалось посетить оз. Ессей, поработать среди местных якутов-оленеводов. Целью экспедиции являлось изучение современного этнокультурного состояния коренного населения Эвенкийского автономного округа. Мой маршрут изначально был связан с Есеем и Чирингдой, где мне предстояло собрать материал и обследовать местное якутское население. Коллеги разъехались по другим эвенкийским факториям**. Поездка в Ессей для меня была вдвойне привлекательной. Прежде всего, она была связана с объектом моих давних научных интересов – ессейскими якутами. Кроме того, кому не интересно было бы посетить одно из древних северных поселений, по возрасту почти ровесника Ленского острога. По историческим данным, наиболее раннее упоминание Есейского ясачного зимовья датируется примерно 1634 г. [Долгих, 1960, с. 222].

Расписание рейсового вертолета в те годы не особо жаловало самый отдаленный населенный пункт округа, сообщение между Турой и Есеем было всего один раз в неделю. После двухдневного ожидания погода наконец позволила состояться нашему рейсу. Нагруженный борт, тяжело поднявшись ввысь, держал стремительный курс на север. И вот трехчасовой полет над сопками и лесотундрой незаметно приблизился к завершению. Когда вертолет, подлетая к поселку, делал крен, перед взором раскинулось огромное водное пространство. И стало ясно, что это и есть озеро Ессей.

Стоял разгар северного лета с удивительно светлыми ночами. В это время обычно в поселке мало людей, многие находятся на своих так называемых «точках», летних стойбищах, расположенных в окрестностях озера, где рыбачат, делают юколу. Пребывание в любом незнакомом месте всегда незабываемо. Знакомство с жителями рыболовных участков, бригад оленеводов, посещение старинных кладбищ, заброшенных стоянок и других знаковых мест, без-

*Автор в то время работал старшим научным сотрудником Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского.

**До недавнего времени старожилы Эвенкии называли маленькие отдаленные поселки факториями.

условно, оставили немало ярких впечатлений. С того времени прошло немало лет, но теплые воспоминания о поездке, о встрече с моими информантами, с которыми удалось тогда поработать, сохраняются в памяти до сих пор. Это были простые жители, пенсионеры, старожилы села. Благодаря их безвозмездной помощи и была собрана данная музейная коллекция.

Коллекция (№ КП 41409, № КП 41433) состоит в основном из традиционных предметов, большинство которых датируется концом XIX и первой половиной XX в. Всего насчитывается 38 предметов. Предметы группируются по следующим видам хозяйственной деятельности и быта: оленеводство (оленьи седла, оленьи ошейники и колодки, орнаментированные луки седел, аркан, наголовник, оленьи нащечники), рыболовство и охотничий промысел (сети из конского волоса, вилы для забоя рыб, инструменты для плетения сетей, крючки для плетения аркана), предметы домашнего обихода и утварь (сетка из палочек для сушки мяса, сверло, деревянная ложка для снятия жира, тарелка для разделки рыб, крюк для котла, скребок для скобления шкуры, детская колыбелька, кожаная обувь, вышитый мешочек из ровдуги, коврики из оленьего меха) (рис. 1–4).

Следует отметить, что район озера Ессей издревле был территорией обитания тунгусских кочевников. Судя по широкому ареалу топонимов якутского происхождения, освоение якутами-оленеводами этих мест происходило достаточно давно. Ессейские якуты, в отличие от оленекских и анабарских якутов-оленево-дов, территориально находились в особой кон-

тактной зоне, где у них сложились тесные связи с илимпийскими и другими группами эвенков, благодаря чему в материальной культуре наиболее явно просматривались элементы тунгусской культуры [Василевич, 1951, с. 157]. В целом хозяйственно-культурный тип ессейских якутов был весьма близок к тунгусскому. Длительное соседство якутов с тунгусским окружением способствовало формированию в их говоре не только широкого пласта лексических заимствований, но и особой двуязычной среды.

Ессейские якуты-оленеводы, несмотря на современное локальное расселение, были весьма подвижны в освоении новых территорий. Местные якуты довольно рано начали устанавливать тесную связь с Таймыром, ко второй половине XIX в. там уже образовались группы выходцев с Ессея. Пограничное соседство с Таймыром также не могло не отразиться на хозяйственной деятельности и материальной культуре ессейских оленеводов. От таймырских долган ессейские якуты перенимали некоторые элементы самодийских традиций, особенно в оленеводстве. К ним можно отнести некогда популярные здесь легкие высококопильные нарты самодийского типа, которые следует считать заимствованными у таймырских сородичей [Там же, с. 184]. В коллекции имеются два образца нащечных пластин для упряжных оленей, вырезанных из мамонтовой кости, одна пара сплошь покрыта орнаментом, другая – без рисунка. Интерес представляют орнаментированные пластины: длина – 17,5 см, ширина – 9,5 см. Резной орнамент состоит из мелких квадратов, часть кото-

Рис. 1. Колыбелька. № КП 41409/2, фото автора

Рис. 2. Остов вьючного седла. № КП 41409/3, фото автора

Рис. 3. Олений недоуздук. № КП 41409/5, фото автора

Рис. 4. Ровдужный мешочек. № КП 41433/1, фото автора

рых имеют крестообразные выемки, расположенные в шахматном порядке. Данный орнаментальный мотив достаточно типичен для долганского традиционного искусства. Шахматный орнамент у долган носит название *толбон*. Как известно, подобные вещи были характерной деталью долганской упряжи и, судя по всему, они были подарками, привезенными с Таймыра.

У кочевников Есеев издавна были развиты торговые отношения, прежде всего с вилюйскими якутами. Товарообмен здесь был весьма популярным занятием. Этот озерный край издревле славился как своеобразная кладовая рыбных и звериных богатств. Здесь устраивались ежегодные ярмарки, куда стекались караваны якутских купцов. В составе коллекции есть весьма редкие предметы, например, старинные рыболовные сети из конских волос с самодельными поплавками и грузилами. Подобные сети сегодня вряд ли можно найти где-либо, поскольку они давно стали настоящими раритетами. Наиболее поздние сохранившиеся музейные экземпляры датируются дореволюционным периодом или 20–30-ми годами прошлого века. Волосяные сети, привозимые на Север, – товар якутских торговцев, их возили из вилюйских улусов в виде заготовок [Там же, с. 162]. Товар был весьма дорогой, поскольку в Есее, где озерное рыболовство исконно являлось основным занятием, сети в хозяйстве имели первостепенное значение.

Оленьи вьючные седла сегодня также стали редкостью, поскольку традиция перекочевки, использование вьючных оленей тоже ушли в

прошлое. Что интересно, вьючные седла в отличие от верховых всегда оформлены красиво и выглядят изящнее. Особый интерес привлекают передние луки седел трапециевидной или округлой формы, всегда искусно орнаментированные. Возможно, их заказывали у якутских мастеров, поскольку резной или инкрустированный оловом орнамент передних луков седел исполнен часто в виде растительного узора, весьма характерного для творчества якутских мастеров. Не менее популярным товаром якутских купцов здесь были металлические изделия: медные котлы, женские украшения, бытовые предметы, орудия труда и т.д. Следует отметить, что бытовые предметы домашнего обихода есейских якутов, будь то деревянная утварь, орудия труда или охотничье снаряжение, по своим функциональным особенностям как никогда лучше приспособлены к походной жизни кочевника-оленевода. Детская колыбелька тунгусского типа была очень удобна при транспортировке, во время перекочевки ее можно было легко привязать к вьючному седлу. Передавая эту семейную реликвию, 90-летний старец Василий Иванович Эспек поведал о том, что в ней выросли все его дети, а их в семье было восемь. Колыбель являлась вещью сакральной, связанной с многими поверьями и обычаями, особенно почиталась колыбель, которая служила не одному поколению детей, уже взрослых и здравствующих. В коллекции весьма редкий в наше время предмет – плетенка *hubuэ* из тонких деревянных палочек, переплетенных сухожильными нитка-

ми, предназначенная для сушки и копчения мелконарезанного мяса. Вещь была весьма нужная в домашнем хозяйстве, ее стелили на жердях, горизонтально подвешенных над очагом. После использования ее закручивали в трубку и хранили в специальном кожаном чехле.

В коллекции имеется несколько предметов, связанных с озерным рыболовством. Большой интерес представляют две сети из конских волос, одна целая, длиной около 25,5 м, шириной 95 см, другая – обрезанная. Грузила сети представляют кольца из тальника с туго примотанной к ним речной галькой, к верхним краям сети прикреплены поплавки в виде берестяных трубочек. Популярным орудием для весенней ловли рыб (налима) через лунку во льду были деревянные или костяные крючки-приманки *hum*. К основной бечевке привязывали до 10 штук крючков. По мнению исследователей, этот древнейший способ лова рыб был характерен для неолитического населения [Там же, с. 185].

Отдельную группу составляют предметы из мягких материалов (вышитый олений недоуздок, камусная обувь, ровдужный мешочек, меховые коврики). Одним из ценных предметов, переданных Евдокией Петровной Чорду, является олений вышитый недоуздок, важная часть женской оленьей упряжи. Судя по оформлению, вещь являлась принадлежностью невесты. Олений начельник сшит из красного сукна, оголовье целиком вышито разноцветным бисером и стеклярусом, имеет подклад из ровдуги. Передняя часть имеет фигурный выступ в виде широкого трехвильчатого отростка. Данная фигура нередко рассматривается как орнаментальный мотив, широко распространенный у эвенков, долган и северных якутов. У последних он известен под названием *көтөр атаба*, т.е. птичьей лапки. Этот орнитоморфный мотив в прошлом был широко распространенным, его можно было видеть не только на бытовых вещах, но и на ровдужных нагрудниках, шаманском костюме. Судя по всему, он был некогда сакральным знаком, символизирующим некую родовую тотемную птицу. К нижним краям начельника пришита ровдужная бахрома (10 шт.). Недоуздок имеет немаловажную деталь – меховую подшейную кисть из медвежьего меха длиной около 15 см, вставленную в ровдужное основание в виде куполка, отделанного цветной тканью и бисером.

Данная деталь на женской упряжи выполняла весьма важную охранительную функцию и служила своеобразным оберегом.

Мужская обувь с длинными голенищами сшита из светлых камусов. Судя по характерным особенностям кроя, обувь относится к эвенкийско-долганскому типу со сложносоставным носком. В коллекции также имеются два меховых коврика, один – прямоугольной формы, другой – круглой. Оба коврика сшиты в традиционной технике меховой аппликации из темных и светлых мелких лоскутков камуса. Если первый коврик выполнен в духе традиции, умело подобранные геометрические фигуры здесь составляют несложную орнаментальную композицию, то второй изготовлен с добавлением различных видов меха, в оформлении использованы некоторые современные приемы декорирования, в центре изделия имеется изображение оленя.

Вышитый белым подшейным волосом оленя женский ровдужный мешочек является редким старинным предметом в данной коллекции. Он был приобретен в 1988 г. во время Таймырской экспедиции автора у Христины Ивановны Бетту из с. Катырык бывшего Хатангского района Таймырского автономного округа Красноярского края. Предмет включен в коллекцию не случайно, поскольку часть долган данного поселения по своей родословной напрямую связана с эсеевскими якутами. Об этом свидетельствует наличие здесь эсеевских фамилий Бетту, Чорду, носители которых являются потомками некогда мигрировавших якутов из района озера Эсеей [ПМА, 1988]. Предмет старинный, размер 40х25 см; привлекает внимание вышитый орнаментальный декор, сплошь покрывающий всю поверхность предмета. Центральная часть украшена орнаментальным мотивом, состоящим из двух вытянутых трехвильчатых узоров, соединенных основаниями. По краям и бокам проходит дугообразный орнамент с трефовидными выступами, весьма характерный для орнаментальных традиций северных якутов и долган, у которых он носит название *һарбынньак* или *һарбынньак ойуу*. Вышивка белым подшейным волосом оленя – весьма уникальный по своей технике прием декорирования женских предметов из мягких материалов, широко распространенный и у северных якутов.

В ходе работы по атрибуции коллекции уточнялись традиционные названия предметов. Как показал терминологический анализ, многие из этих названий, как и сами предметы, сегодня постепенно выходят из употребления и приобретают архаичный характер. Следует отметить, что есеевский говор благодаря обособленному развитию сохранил немало из старинной лексики языка саха. Как известно, оленеводческая терминология представляет собой своеобразное сплетение тунгусских и якутских слов. В частности, термины из области оленеводства, например, *дьукээнди*, *чээкэптиин*, *чалаах*, *килгээбин*, *кээбээ* и другие, некогда заимствованные из эвенкийского языка и давно укоренившиеся в говорах якутов-олeneводо-в, следует отнести к особенностям местной диалектной лексики. Названия орудий рыболовства, характерные для есеевского говора: *атара* – металлические вилы для забоя рыбы (налима), *дьокку* – рыболовная сеть из конских волос с крупными ячейками для ловли тайменя, *hut* – деревянные или костяные крючки для ловли налима, также постепенно переходят в разряд архаизмов. В есеевском говоре тунгусский лексический пласт, неразрывно связанный с оленеводством и кочевым бытом, судя по всему относится к периоду формирования субэтнических групп якутов-олeneводо-в, осваивавших северные широты. Однако эти слова у местных якутов были еще задолго до прихода их на территорию современной Эвенкии, возможно, в те давние времена, когда их предки переходили на кочевой образ жизни, перенимая местные традиции оленеводства. Следующую группу названий составляют такие слова, как *уруоҕ*, *һонһоһоон*, *үлдьү атаһ*, *олдоон*, *чэнкэйиши*, *кулуку* и другие, которые авторы «Диалектологического словаря якутского языка» относили к группам северо-якутских говоров [Диалектологический словарь..., 1976; 1995]. Действительно, эти слова наиболее характеризуют особенности быта и хозяйственной деятельности северян и часто употребляются в бытовой лексике северо-западных групп якутов.

Следующей точкой моего маршрута была Чирингда – небольшой эвенкийский поселок, находящийся в 150 км от Есеея. Тогда население здесь составляло всего 365 чел., в основном представленных эвенками. Якутов, выходцев с Есеея, здесь, по данным местного сельсовета,

было 49 чел., хотя дети из смешанных семей здесь записывались как эвенки. В советское время здесь было отделение совхоза «Котуйский» [ПМА, 1989]. Что меня здесь удивило, так это то, что местное население, особенно старшее поколение, свободно говорило на двух языках – эвенкийском и якутском. Объяснялось это тем, что раньше между есеевцами и чирингдинскими эвенками были очень близкие связи: вместе кочевали, совместно пасли общие стада оленей. Между ними отмечались частые межэтнические браки. В то время в Чирингде в отличие от Есеея уже наблюдался хозяйственный кризис, оленей практически не стало за исключением небольшого частного поголовья. Единственным занятием местных жителей были рыболовство и охота. Здесь мне также удалось поработать со многими старожилками, приобрести ряд интересных предметов. От Николая Саввича Елдогир был получен весьма редкий предмет «сибиэ» – плетенка из тонких реек, переплетенных судя по всему сухожильными нитками, для копчения мелко нарубленного мяса над очагом в чуме (эвенк. «бучивун»). Другая жительница Чирингды Вера Филипповна Гургугир передала в дар выючное оленьё седло в хорошей сохранности, большую деревянную ложку, предназначенную для снятия жира (як. «иикээпчээн», эвенк. «ламба»), скребок для выделки шкур. Подобными вещами пользовались как эвенки, так и якуты.

В целом коллекция, по мнению специалистов, занимает особое место в фондах музея, она, безусловно, дополняет и обогащает этнографический корпус предметов материальной культуры северных якутов, хранящихся в музее. Особую ценность представляют редкие предметы, подобных которым нет ни в одном музейном собрании. 10 предметов из коллекции вошли в изданный в 2009 г. музейный каталог «Циркумполярная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра», изданный под эгидой ЮНЕСКО. Отдельные предметы не раз были представлены в музейных экспозициях и выставках. Коллекция несмотря на небольшой состав не может не вызвать интерес исследователей, поскольку показывает не только своеобразие культуры северных якутов-олeneводо-в, но, что особенно важно, дает ценную информацию об одной из малоизученных локальных

групп якутов-оленьеводов, издревле проживающих в территориально обособленных условиях. Безусловно, материалы коллекции нуждаются в дальнейшем пополнении, не менее важна задача введения их в научный оборот, также заслуживает внимания составление музейного каталога.

Приложение

Жители Есеея и переданные ими предметы, хранящиеся в ЯГОМиКНС им. Ем. Ярославского

Алексеева (Ботулу) Елена Егоровна (1932–1997) – 1) блюдо для разделки рыб (як. «*ньол-боо*», эвенк. «*тыгэ*»); 2) скребок для выделки шкур без рукоятки (як. «*кэдэрээ*», эвенк. «*гэдэрэвун*»); 3) блок из мамонтовой кости у нарты для продевания лямки (як. «*чалаах*»/«*тонгоолдо*», эвенк. «*чалак*»/«*тонголдо*»); 4) нащечные пластины оленьего недоуздки из мамонтовой кости, 2 шт. (як. «*һынгаах муостара*», эвенк. «*андян*»); 5) лучковое сверло, коловорот (як. «*һэрэбэлэ*», «*бурупчаан*», эвенк. «*хэрэвул*», «*пурупчанэ*»).

Бетту Христина Ивановна – 1) женский ровдужный мешочек, вышитый подшейным волосом оленя (як. «*утаха*», эвенк. «*хутакан*»).

Бетту Христина Николаевна (1936 г.р.) – 1) современный коврик прямоугольной формы из лоскутков камуса.

Ботулу Августа Христофоровна (1935 г.р.) – 1) современный коврик круглой формы из шкур пыжика, росомахи с изображением оленя.

Ботулу Александр Дмитриевич-Баһырбас – 1) рыболовные сети с грузилами и поплавками; 2) часть рыболовных сетей (як. «*илим*», эвенк. «*адил*»); 3) игла для плетения рыболовных сетей; 4) игла для плетения рыболовных сетей (як. «*илим баайар иннэ*», эвенк. «*хэнекэлэбун*»).

Ботулу Андрей Саввич (1912–1997) – 1) лука верхового седла; 2) лука верхового седла, резной орнамент (як. «*хороон*», эвенк. «*хорон*»).

Ботулу Владимир Христофорович (1937–2009) – 1) укротитель для тренировки оленя в упряжке (як. «*кээбээ*», эвенк. «*кэвэ*»); 2) шест для отметки сетей на воде (як. «*чоробор*», эвенк. «*камай*»); 3) крюк для вытаскивания мяса из котла (як. «*урубиин*», эвенк. «*уриувун*»); 4) доска для выделки шкур (як. назв. «*үрүөх*», эвенк. «*ол-*

доксо»); 5) мужские торбаза с высокими голенищами (як. «*үлдү атах*», эвенк. «*унта хыври*»).

Ботулу Дмитрий Александрович (1915–1993) – 1) аркан, сплетенный из кожи (як. «*маамыкта*», эвенк. «*мавут*»).

Гургугир Вера Филипповна (1955–2005) – 1) оленье седло выючное (як. «*ыныыр*», эвенк. «*лочохо*»); 2) деревянная ложка для снятия жира (як. «*шикээпчээн*», эвенк. «*ламба*»); 3) скребок для выделки шкур (як. «*һонгоһоон*», эвенк. «*чучун*»).

Елдогир Николай Саввич (1919–?) – 1) плетенка из тонких палочек, переплетенных сухожильными нитками (як. «*сибиэ*», эвенк. «*бучивун*»).

Катыгинский Владимир Николаевич (?) – 1) металлические вилы для забоя рыб, острога (як. «*атара*», эвенк. «*кирамки*»); 2) металлическая лопатка-держатель сковородки (эвенк. «*дябавун*»); 3) металлический крюк для вытаскивания мяса из котла (як. «*урубиин*», эвенк. «*уриувун*»).

Чорду Евдокия Петровна (1926–2017) – 1) недоуздки, наголовник на оленя (як. «*бас бы-ата*», эвенк. «*ухи*»); 2) колодка-ограничитель для собаки (як. «*ыт кулукута*», эвенк. «*хэргур*»); 3) нащечные пластины оленьего недоуздки из мамонтовой кости, орнаментированные, 2 шт. (як. «*һынгаах муостара*», эвенк. «*андян*»).

Эспек Василий Иванович-Чапчаа (1907–1994) – 1) колыбелька (як. «*биһик*», эвенк. «*эмкэ*»); 2) 1-й комплект деревянных крючков для плетения аркана, 4 шт.; 3) 2-й комплект деревянных крючков для плетения аркана, 4 шт. (як. «*маамыкта хатар иннэ*», эвенк. «*чивавун*»); 4) деревянные крючки для ловли рыб, 3 шт. (як. «*һит*», эвенк. «*печерэ*»); 5) грузило для рыболовных сетей, 3 шт. (як. «*таастыган*», эвенк. «*тунгул*»).

Литература и источники

Василевич Г.М. Есеевско-чирингдинские эвенки (По коллекциям В.Н. Васильева) // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1951. – Т. 13. – С. 154–186.

Воронкин М.С. Северо-западная группа говоров якутского языка. – Якутск, 1984. – 222 с.

Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов (XVII–XIX вв.): к вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. – М.: Наука, 1977. – 247 с.

Диалектологический словарь якутского языка. – М.: Наука, 1976. – 391 с.

Диалектологический словарь языка саха. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М., 1960. – 621 с.

Краткий тематический словарь есеевского говора / сост. П.Х. Чорду; науч. ред.: А.И. Саввинов. – Якутск, 2011. – 55 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов: в 2 кн. Кн. 1. – Якутск, 1992. – 414 с.

ПМА – полевые материалы автора за 1988 г. (Таймыр) и 1989 г. (Эвенкия).

Саввинов А.И. Тус хоту, Дьэһиэй сиригэр // Кыым: газ. – 1990. – № 46.

Саввинов А.И. Дьэһиэй сахалара // Чолбон. – 1996. – № 8. – С. 126–138.

Фольклор есеевских якутов (Дьэһиэй сахаларын фольклора) / ред.: к.и.н. А.И. Саввинов. – Якутск, 2002. – 227 с.

Циркумпольярная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра. Circumpolar Civilization in the Word Museums: Yesterday, Today, Tomorrow. Музеи Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2009. – 125 с. (Каталог).

A.I. Savvinov

Ethnographic collection of Yessey Sakha in the Yakut State United Museum of the History and Culture of the Peoples of the North named after E. Yaroslavsky

The article describes one museum collection, collected more than 30 years ago among a local group of northern Yakut reindeer herders living on Lake Yessey. It should be noted that this collection, representing the material culture of the Yessey of Yakuts, is perhaps the only one in the museums of Yakutia. Despite its small composition (household items, tools and crafts), it clearly characterizes the traditional way of life, the original economic activities of the Yessey of Yakuts: reindeer herding, fishing, and hunting. The collection of household items reveals the regional characteristics of the culture of nomadic reindeer herders, the interethnic ties of the Yakut and Evenki traditions. When describing museum objects, we tried to approach comprehensively, in the context of the ethno-cultural history of the region. A thing in culture is not only a material object, but also an important component, inextricably linked with the spiritual world. Indeed, in the traditional culture of anything is somehow connected with ideas, customs and beliefs. When attributing museum objects, an important task is the identification and refinement of traditional names and their local variants. As the materials show, the subethnic group of the Yessey of Yakuts has a significant preservation of household vocabulary, but at the same time, the Evenki language is observed in this area of local dialect. This was reflected in the names of many objects. Currently, in the current pace of transformation of economic traditions, when there is an irreversible process of loss and oblivion of the material culture of northern Yakut reindeer herders, museum collections are acquiring special value and significance.

Keywords: Yessey Yakuts, sub-ethnic group, ethno-cultural borderland, Evenkia, ethnographic collection, traditional culture, museum collecting.